

Сергей ГУРЬЕВ:

Нормальных людей в советском роке нет

**Широко
известный
в узких
кругах
рок-теоретик.
впервые
вышел
из подполья.
И сразу —
к нам**

*Жизнь правды 1993
24 июня - с. 6*

КРАТКАЯ СПРАВКА. Сергей ГУРЬЕВ, по образованию искусствовед, по жизни рок-теоретик. Один из отцов-основателей и редакторов двух лучших самиздатовских рок-журналов, «Урлайт» и «КонтрКультУра», один из основоположников так называемой «новой журналистики». Несмотря на отсутствие слуха и голоса, исполнял роль солиста в группе «Чистая Любовь», где пел песни про зайцев-сексапиль. Сейчас занимается группой «Рада и Терновник». Рыжий, носит сильные, слегка затемненные очки. Все еще комплексует и не знает, куда девать руки.

— Шахрин заметил по поводу твоих журналов, что туда пишут потенциальные бомбометатели.

— Еще со времен «Урлайта» мы хотели сделать агрессивный, крайний журнал. Рок нами понимался как некая динамическая агрессия и соответственно рок-журналистика, казалось нам, должна ее нести: очень яростные нападки на что-нибудь, всевозможную стилизацию бесконечной внутренней свободы. На деле, наверное, отсутствующую, потому что по-настоящему свободный человек не будет заниматься ни рок-журналистикой, ни рок-музыкой. А он будет как бы сидеть в кресле и чувствовать себя внутренне свободным.

— А какого рода комплексы ты пытался изжить?

— Ну то, что они все были интеллигентны, а не народные люди, мужики, свободные души, способные броситься в самоистребительный танец. Нормальных людей в роке катастрофически не хватает. Кроме, кстати, Шахрина, который сейчас ужасно ополсел, но он, наверное, единственный нормальный человек. Остальные были комплексующие интеллигентны, которые пытались самоутвердиться. Макаревич, Гребенщиков — все это люди, у которых внутренней свободой и не пахнет. Просто Гребенщиков оказался умнее и лучше скрывал это, чем Макаревич.

А до того, кстати, в 70-е годы у нас был нормальный рок, который играли довольно свободные люди, пели по-английски и не имели никаких интеллектуальных амбиций. И было все достаточно органично. А Гребенщиков создал некий миф культурной амбиции и от органичности ушел.

— Значит ли это, что с появлением русскоязычного рока исчезла внутренняя свобода?

— Безусловно. Только у Майка Науменко свобода присутствовала, потому что он очень удачно и органично для себя сумел снять западную форму. Вообще трагедия русского рока в том, что люди, которые умеют играть, играют в группах, никому особо не нужных, занимающих

ся бессмысленным формотворчеством. А то, чем славится русский рок, — настоящие художники трехаккордные, они делают действительно самобытные вещи, но с ними начинают играть совершенно безобразные музыканты.

— У тебя встретилось забавное выражение: «стилизация внутренней свободы». Что ты под этим понимаешь?

— Это, в общем, панк — простейшая форма стилизации внутренней свободы. Особенно в России. В западном панке тоже есть элемент стилизации, но там реальной внутренней свободы больше, хотя изначально все там как стиль насаждалось, все продумывалось, в частности Малькольмом Маклареном. Но в панке действительно получается так: без внутренней свободы невозможно внешняя, и, значит, надо стилизовать внутреннюю, чтобы получилась внешняя. Это все панк и делал на уровне жестов, тембра.

— Давай мы резко перенесем тему и поговорим о нынешней культурной ситуации, которую критики называют ситуацией постмодерна. Каким образом рок в нее вписывается?

— Это очень важный и современный вопрос. Постмодерн на самом деле сейчас стал страшно вреден. И надо бороться с ним, потому что он полностью разрушил чистоту и подлинность чувств посредством безмерной иронии. И сейчас ретроспективные возвращения психоделов 60-х — в лучшем варианте или в худшем — некий тоталитарный эпос (югославский «Laibach» или «Зазеркалье» из Ростова) — такие вещи могут его испровергнуть.

Тут вот еще какой интересный момент возникает — советская идеология, советская ментальность со страшной силой паразитировала на идее чистоты и подлинности чувств и, в общем, ее ополшила и почти уничтожила. Еще в двадцатые годы самые чистые, огненные, самые наивные и доверчивые люди предпочитали бороться за справедливость, а всякие язвительные брызги,

типа Федора Сологуба, у которых ничего от романтических порывов не было, вот только они-то, злыдни, и противились идущему гнусному процессу. И вот вся романтика советизировалась со страшной силой, а все циничные враги романтизма боролись с советской властью, и получалось, что только цинизм советской идеологии и может противостоять.

В принципе постмодернизму и рокеры, все в какой-то степени раньше боролись со стереотипами. А в борьбе можно почувствовать некое единство, но потом, когда какое-то время поработаешь вместе, можно ощутить различную ментальность и разойтись.

— Сейчас какой идет процесс? Рок и постмодерн обнаружили, что ментальности разные?

— На мой взгляд, рок-н-ролл обнаружил разные ментальности с демократическим сознанием, с которым он одно время вступал в альянс: это 87-й год, «ДДТ», «Телевизор» — это был гораздо более крутой альянс, чем альянс русского рока с постмодерном.

А сейчас те формы разрушения, которые исповествовал постмодерн, кажутся эстетизированными, конформными и приятными неонэпманской стихии, и поэтому русский рок они не устраивают и в разрушительном пафосе он ищет другого.

— Теперь за этот разрушительный пафос платят хорошие деньги.

— Ну, долго сохранять этот юношеский, суицидальный, гадальный, условно говоря, пафос, невозможно, он все равно проходит, и довольно быстро. А так как имя у людей уже есть и надо продолжать держаться на плаву, им приходится работать не непосредственно с импульсом, но с просчитыванием того, что надо сейчас сделать, чтобы следующая пластинка продалась.

Искренняя же эволюция состояла бы в том, что люди делали бы вялые грустные песни, повествуящие об ушедшем периоде самоистребительных порывов. Платили бы за это

мало. Но смысла в такой искренности уже мало, меньше, чем в искренности порыва. Поэтому люди предпочитают искренней вылости коммерчески просчитанный вариант, который все же не может быть основан на повторе. Сейчас вторую «Гражданскую оборону» никто не сделает, они в сто раз лучше играют...

Летов (Егор, лидер «ГО») — это, в сущности, человек типа Гребенщикова, но более трагический... Я помню его акустические концерты, на которых видно было, что из человека не рвется, а он из себя выдавливает, но очень как бы с чувством, и ощущение, что как бы рвется. Вот Ревякин (Дмитрий, лидер «Калинова Моста») — это несколько другое. Он, по сравнению с Гребенщиковым и Летовым, — человек глупый. Поэтому более честный. И я ему верю как-то больше. Нет, я не хочу сказать, что у Летова все высосано из пальца, там много настоящего, у БГ же очень мало настоящего, но оно есть.

— Мы вот говорим об истинности. Но от твоей персоны огромное ощущение эстетического подхода к действительности. А эстетика — это второй слой.

— Ну, искусствовед я, наложило это отпечаток пагубный.

— Давай вот о каком эстетическом явлении побеседуем: о «новой журналистике», о которой стали говорить после появления «Урлайта» и «Контры». Каковы ее принципы?

— Я предпочитал оперировать терминами «спонтанная журналистика», «отфонарная атака журналиста на объект». Вообще суть «новой журналистики» в том, что журналист гораздо важнее становится как объект восприятия для читателя, чем объект статьи, важно, что за человек, отслеживание формы потока его мысли.

Вообще в традиции советской журналистики, которой мы себя противопоставляли, было уважительное отношение субъекта-журналиста к объекту статьи, к тому, о чем он пишет. И скучно читать. Ведь при объективном освещении субъекта со всех сторон, как говорил Роберт Музиль, он тихо убывает в понятие. А если вычленишь свою отдельную грань и ее раздуть до гипертрофированных размеров, динамики будет выше. крыши.

— То есть по стилю это должен быть террористический акт.

— Да. Если тебе объект нравится, то все равно надо писать в отношении него достаточно агрессивно. А главное — побольше субъективности, побольше непосредственности чувств и поменьше рефлексии. Фашисты абсолютно справедливо считали, что рефлексия убивает действие.

— Когда рок перестал вос-

принимать как социальный протест, что осталось, кроме чистой коммерции?

— Это проблема, которая сейчас появилась. Но альтернатива-то гораздо больше, чем просто коммерция. Может быть развитие музыкальной формы через художественное воплощение, которое, конечно, будет очень беспомощным, потому что в плане художественной формы Россия безнадежно от Запада отстает.

Когда ушла социальная функция, все обращали внимание на экзистенциальную полноценность явления. Но вот именно как агрессивная форма протеста, эпатажирующая доминирующий вкус, появилась эта парадоксальная ориентация в роке на антисемитизм — основное табу в эпоху демократии. Это логичная реакция на призыв не трогать евреев в силу того, что общественное сознание так и считает, отчасти небезосновательно, что евреи — это нация, направленная на самосохранение, а для рока органично, наоборот, самоуничтожение.

— При этом не думаешь ли ты, что фашизм и антисемитизм носят здесь преимущественно эстетический характер, нежели прикладной?

— Это, кстати, точное замечание, потому что я думаю, что многих последователей идеологии третьего пути в это лоно толкнула некая любовь к красоте. Это ведь какой-то иной путь вместо социализма и капитализма. Социализм — некрасив, капитализм — тоже. А фашизм — это, условно говоря, третий путь, это идеология, обращенная к сакрализированному, символизированному корням нации.

— И кайфа сколько.

— Да, именно. Очень много, особенно если не сидеть под пулями...

— А эстетически рассуждать на провокативные темы?

— Совершенно верно, провокативности очень много, динамики, духовного содержания. Язычества некоего.

— Скажи вот что, какие наши группы сейчас можно слушать?

— Я люблю некие застывшие явления. «Комитет Охраны Тепла», «Калинов Мост».

Анахата — очень интересная девочка из Норильска.

— Не думаешь ли ты, что провинция сейчас жизнеспособнее с музыкальной точки зрения, чем столицы?

— По-моему, да. Жизнеспособность в столицах мешает чудовищная плотность информационного пространства, в котором человек не в состоянии развернуться. А то, что может здесь самобытного родиться, появляется в разреженном информационном пространстве, где человек может изобретать велосипед, но самостоятельно!

Анна КАЛИНИНА.
Александр МОНАХОВ.
Фото Александра АБАЗЫ.